

С треском лопались угли в костре. Языки пламени, пускаясь в пляс, окрашивали лица собравшихся в мягкие золотисто-оранжевые тона. Одетый с иголки молодой господин доброжелательно спросил:

— Ночь выдалась сырой, а в храме места предостаточно, да и огонь уже разгорелся на славу. Если вы не спешите, почему бы не переждать темноту здесь?

В округе действительно не наблюдалось иного пристанища, кроме этой полуразрушенной обители. Видя искреннее дружелюбие незнакомца, Е Му спешился и сдержанно кивнул:

— Что ж, воспользуюсь вашим великодушием. Простите за беспокойство.

В глубине души ему было неловко перед детьми, которым предстояло провести ночь в столь спартанских условиях. Попрошайки, ютившиеся у костра, завидев приближающегося человека с конями, мигом рассыпались в разные стороны. словно вспугнутые птицы, они забились в самый темный угол храма. Из полумрака на прибывших то и дело косились блестящие глаза. Впрочем, бродяги не забывали жадно вгрызаться в куски жареного мяса, оглашая тишину чавканьем и глухим глотанием.

Привязав лошадей к раскидистому дереву у входа, Е Му вернулся. К этому моменту Е Цан уже ловко спрыгнул на землю и бережно снял с седел дремавших Е Мина и Е Нуань. Малыши, сонные и дезориентированные, крепко держались за руки и, точно лунатики, плелись следом за старшим братом.

Снаружи обветшала молельня казалась совсем крошечной, но внутри пространства хватало с избытком. Своеобразной границей здесь служил расколотый алтарь с полуразрушенной статуей божества. Нищие оккупировали одну половину зала, в то время как на противоположной, в самом сухом углу, высилась аккуратная охапка чистой соломы. Рядом с ней покоился скромный узелок из черной ткани — очевидно, пожитки молодого господина.

Устроив детей на ночлег в свободном углу, Е Му вернулся к костру. Он уселся прямо напротив незнакомца. Из этой позиции через пустой дверной проем, лишенный створок, было удобно краем глаза следить за каждым движением бродяг.

Молодой человек подбросил в огонь сухих веток. Даже это простое действие он совершал с мягким изяществом, сохраняя на губах полуулыбку. Наконец его спокойный, сосредоточенный взор остановился на Е Му.

— Мое имя Хэ Лян, — представился он. — Как я могу обращаться к вам, уважаемый?

Е Му, сидевший вполоборота к пламени, ответил ровным, дружелюбным тоном:

— Рад знакомству, господин Хэ. Меня зовут Е Му.

— Благородный Е, — Хэ Лян вежливо наклонил голову. — Раз уж вы держите путь через Шэньян, полагаю, ваша цель — переправиться на северный берег реки?

«Переправиться через реку?» — Е Му мысленно сверился со своими воспоминаниями о карте. В игре к северу от города Чаньи действительно протекала полноводная река, пересекавшая почти всю срединную равнину, но в тех краях располагалось лишь несколько глухих деревушек, и никаких крупных городов там не числилось.

«Еще одно расхождение во времени...» — отметил он про себя, а вслух произнес:

— Именно так. Демоны беснуются, на дорогах беспокойно. Хочу уберечь детей от ужасов войны и увести их подальше на север.

Последние дни он неустанно прислушивался к чужой речи, стараясь подмечать малейшие интонации и особенности местного говора. Е Му изо всех сил воскрешал в памяти школьные уроки классического слога, чтобы ненароком не сболтнуть какое-нибудь словечко из будущего. К его облегчению, эта полуархаичная манера изъясняться давалась ему все легче.

Хэ Лян понимающе кивнул:

— Позвольте спросить, эти трое ребятишек... кем они вам приходятся?

— Мои сыновья и дочь.

Хэ Лян удивленно приподнял брови и с искренним восхищением произнес:

— Старший весьма неглуп и расторопен, а младшие — сущие ангелочки, чистые, как резной нефрит. Невероятная удача иметь такое семейство, господин Е.

Е Му едва заметно улыбнулся и без лишней скромности ответил:

— Благодарю.

Такая прямолинейность заставила Хэ Ляна на мгновение опешить. Судя по повадкам собеседника, тот не казался высокомерным или хвастливым человеком, так что подобная реакция выглядела неожиданно.

Внимательно всмотревшись в лицо Е Му, Хэ Лян не обнаружил на нем ни тени самодовольства. Взор воина оставался чистым и спокойным, а легкая улыбка лишь смягчала суровые черты его лица. Было очевидно, что мужчина просто искренне гордится своими детьми.

«Похоже, передо мной обыкновенный любящий отец», — с мысленной усмешкой заключил Хэ Лян. Эта деталь сделала нелюдимого на вид попутчика в его глазах куда более человечным и приятным в общении.

Беседа потекла свободнее. Они увлеченно проговорили почти до полуночи, расспрашивая друг друга о всяких мелочах и прощупывая почву. Каждый сумел выудить из слов собеседника немало полезных сведений — а уж насколько они были ценными, каждый решал сам для себя. Наконец разговоры стихли, и путники отошли ко сну.

\*\*\*

Ночь прошла без происшествий.

На рассвете они без труда миновали городские ворота Шэньяна и тепло распрощались.

Поскольку линия фронта пролежала совсем близко, атмосфера в городе была наэлектризована до предела. Горожане, испокон веков жившие в мире и достатке, с ужасом взирали на измученных беженцев, бежавших с захваченных земель. Наплыв чужаков мгновенно парализовал привычную жизнь и развязал руки преступности. Многие лавки заколотили окна, на дверях висели таблички с объявлением о закрытии. По улицам то и дело маршировали патрули — закованные в броню солдаты с палашами на поясах провожали прохожих холодными, оценивающими взглядами.

Отыскав относительно чистый постоялый двор, Е Му снял две комнаты на верхнем этаже и велел подать завтрак. Наказав детям не высовывать нос на улицу и хорошенько отдохнуть, он в одиночку покинул гостиницу. Попетляв по переулкам, мужчина заглянул в одну из немногих работающих таверн.

Положив перед подбежавшим половым увесистый серебряный слиток, Е Му скомандовал:

— Пять порций свинины в красном соусе. Упакуй отдельно, я заберу с собой.

Немного подумав, он добавил:

— И еще какое-нибудь сладкое лакомство для детей. Да кувшин самого крепкого вина.

Вскоре он уже шел обратно, неся в одной руке объемистый деревянный короб с едой, а в другой — запечатанный глиняный кувшин.

Цены здесь оказались гораздо ниже, чем он предполагал. Это не могло не радовать: полученная ранее плата за наемничье поручение была весьма щедрой, и этих денег должно было хватить на безбедное существование в течение долгого времени.

Вернувшись на постоянный двор, Е Му отнес детям свинину в красном соусе и сладости, после чего заперся в своей комнате, опустив тяжелый засов.

Мысленным усилием он вызвал интерфейс инвентаря.

Подойдя к столу, он заставил полупрозрачную панель зависнуть прямо перед собой — зрелище со стороны вышло бы довольно жутковатым.

Поставив кувшин с вином на одну из свободных ячеек, Е Му осторожно убрал руку.

Сосуд остался неподвижно стоять на деревянной столешнице. Никакого волшебства не произошло.

Тогда он достал из короба тарелку со свининой в красном соусе и проделал то же самое. Результат оказался столь же разочаровывающим.

Призадумавшись, Е Му попытался мысленно сопоставить обычную тарелку из таверны с теми порциями, что уже хранились в его системных слотах. Он отложил палочки, съел несколько кусочков, доводя объем блюда до примерного игрового стандарта, и повторил попытку.

Свинина в красном соусе по-прежнему сиротливо лежала на столе.

Поразмыслив еще немного, он извлек из инвентаря ту самую пустую посудину, которую сохранил ранее. На ее дне среди остатков красной подливы отчетливо виднелся грязный отпечаток ладони. Слегка поморщившись от брезгливости, Е Му просто перевалил свежешопленную свинину в красном соусе на эту системную тарелку.

Стоило ему поставить получившееся блюдо на полупрозрачную ячейку и разжать пальцы, как по свинине прошла едва заметная рябь. Мясо подернулось легкой дымкой, застыло и приняло полупрозрачный вид, став абсолютной копией остальных порций в инвентаре — вплоть до расположения волокон, размера кусков и глянцевого блеска соуса.

«Вот оно как!»

Он извлек тарелку обратно, выбросил содержимое, тщательно вымыл ее водой и наполнил новой порцией покупной свинины в красном соусе. На этот раз изысканный фарфоровый диск с синим узором остался неподвижно лежать на столе. Но стоило ему съесть пару кусков, подогнав вес под шаблон, как свинина без труда скользнула в инвентарь, претерпев ту же самую метаморфозу.

«Значит, для успешного переноса требуется соблюсти точное соответствие формы и веса игровому шаблону. Что ж, физическую форму я воспроизвел. А как насчет свойств?»

Закрыв инвентарь, Е Му взял кувшин, сорвал сургучную печать и вышиб пробку. Комнату мгновенно заполнил густой винный аромат. Увы, единственный ценитель этого благородного напитка повел себя как сущий варвар.

Налив полную чашу алкоголя, он поднес к ней огниво. Стоило вину вспыхнуть яростным синеватым пламенем, как Е Му выхватил из-за пояса короткий кинжал и принялся методично прокалывать лезвие над огнем.

Когда сталь остыла, он стянул тяжелую латную рукавицу и без колебаний полоснул себя по левому предплечью.

Игнорируя сочащуюся из раны кровь, он уселся на табурет и не торопясь съел порцию свинины, принесенную из городской таверны.

Ничего не изменилось. Порез продолжал кровоточить, а само блюдо показалось ему чересчур жирным и приторным.

Подавляя подступившую к горлу тошноту от переполненного желудка, Е Му заставил себя съесть порцию той свинины в красном соусе, что прошла системную конвертацию.

Едва последний кусок исчез во рту, как рана на руке затянулась прямо на глазах, оставив лишь тонкую полоску подсохшей крови.

Но вместе с облегчением пришло осознание: на свинину в красном соусе он теперь не сможет смотреть очень, очень долго.

Отложив еще несколько кусков от последней порции, он переложил их на системную тарелку и убрал в инвентарь, а затем ради интереса попытался запихнуть туда обычную пустую посуду.

Увы, тарелка из таверны, испачканная жиром, так и осталась лежать на столе. Конвертировать бытовую утварь система наотрез отказывалась.

Поднявшись из-за стола, Е Му вновь застегнул наручи и принялся судорожно вспоминать, какие еще предметы из игры можно воссоздать в реальности.

Это оказалось чертовски непростой задачей. Виртуальный мир разительно отличается от настоящего: в игре ты пользуешься вещами ежедневно, но помнишь лишь их ярлыки и числовые характеристики, почти никогда не задумываясь о том, как они выглядят на самом деле.

Если бы он только знал, что окажется здесь, никогда бы не стал забивать сумки высокоуровневой едой ради копеечной прибавки к восстановлению здоровья. Лучше бы набрал дешевого вонючего тофу — запихивать в себя легкий соевый творог куда приятнее, чем

давиться тоннами свиного сала.

«Решено. Завтра же поищу тофу».

Однако его планам не суждено было сбыться. Когда наступила полночь, разочарование сменилось леденящим душу ужасом. По спине Е Му пробежал холодный пот, мгновенно пропитав нижнюю рубаху.

В темноте перед его глазами зловеще вспыхнули кроваво-красные системные строки:

[Преобразование предмета «Свинина в красном соусе» (1 шт.) завершено. Списано 150 очков репутации наемника]

[Преобразование предмета «Свинина в красном соусе» (1 шт.) завершено. Списано 150 очков репутации наемника]

[Репутация наемника: 55/10000]

[Репутация школы: 95/10000]

В этот самый час на заднем дворе постоялого двора, у раскиданных куч с отходами, копошилось семейство серых крыс. Обнаружив выброшенные Е Му обрезки той самой конвертированной свинины, грызуны с писком набросились на лакомство, жадно толкаясь и работая челюстями.

Вдруг одна из крыс истошно взвизгнула. Ее крошечные глазки-бусинки налились багровой кровью и буквально вылезли из орбит. Серое тельце начало стремительно раздуваться, точно кожаный мех, накачиваемый воздухом, пока с сухим хлопком не разлетелось на куски.

Словно по цепочке, остальные крысы зашлись в предсмертном писке. Их животы раздувались до карикатурных, пугающих размеров, после чего один за другим раздавались глухие хлопки микровзрывов.

Эта короткая мышиная возня лишь заставила спавшего в каморке конюха недовольно перевернуться на другой бок и что-то буркнуть под нос. Никто во всей гостинице так ничего и не заметил.

Лишь через несколько дней, сгребая мусор для костра, молодой слуга удивленно почесал затылок и бросил своему приятелю:

— Чудеса какие-то... Вторую неделю ни одной мыши в глаза не видел. Точно вымерли все разом.

Товарищ лишь добродушно хмыкнул:

— Тебе-то какая печаль? Меньше грызунов — целее зерно будет, радуйся да помалкивай!

А на том месте, где ночью разыгралась безмолвная драма, на утопанной земле расплылось едва заметное бурое пятно, напоминающее пролитый соус. Земля вокруг осталась безупречно чистой — ни клочка шерсти, ни осколка кости, ни даже пылинки не напоминало о случившемся.

<http://bllate.org/book/18186/1752234>